

На правах рукописи

ЛАВОШНИКОВА Юлия Александровна

**ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА Ф.И. ТЮТЧЕВА
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Смоленск–2017

Работа выполнена на кафедре русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Научный руководитель: Голованевский Аркадий Леонидович,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»,
заведующий кафедрой русского языка

Официальные оппоненты: Ерёмин Александр Николаевич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского»,
заведующий кафедрой русского языка

Халикова Наталья Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»,
доцент кафедры современного русского языка

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Защита состоится «6» октября 2017 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.254.01 при ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке СмолГУ (214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 2Б) и на сайте университета www.smolgu.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Л.В. Павлова

Метафора – содержательный и формальный стержень поэтического языка в широком его понимании. Семантические изменения в поэтическом слове, вызванные экстра- и интралингвистическими факторами, оказались в центре внимания уже на самых ранних этапах изучения науки о языке. Таким образом, проявился гносеологический интерес к значению слова и возможным вариантам его развития (одним из которых является метафора) в речи и художественном тексте. Именно динамическое развитие переносных значений, связанное с историческим временем и проблемами преемственности, до сих пор является мало исследованной сферой русской лингвистики. Диссертация посвящена раскрытию основных аспектов этого вопроса на основе сравнительного анализа метафорических выражений в поэтике Ф.И. Тютчева, его предшественников (Г.Р. Державин), современников (А.С. Пушкин) и последователей (А.А. Блок, О.Э. Мандельштам).

Переносное значение рождается в контексте и определяется им. Словесное окружение, непривычная сочетаемость становятся источником новых ассоциаций как для автора, так и для читателя. Перед последним, согласно замечаниям В.Н. Телии, возникает задача разгадать то содержание, которое автор вложил посредством метафоры в текст, казалось бы, «бессмысленный с логической точки зрения» [Телия 1988, с.204].

Теоретической базой нашего исследования стали фундаментальные труды в области переносного значения А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, Н.Д. Арутюновой, А.Д. Григорьевой, Д.Н. Шмелёва, В.Н. Телии, И.А. Стернина, В.К. Харченко, А.Л. Голованевского, В.П. Москвина, Ю.М. Лотмана, Г.Н. Складневской. Также были использованы работы, связанные с особенностями языка Ф.И. Тютчева: Л.В. Пумпянского, Ю.М. Лотмана, А.Д. Григорьевой, В.Я. Брюсова, М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, В.В. Кожина, Б.М. Козырева и других.

В диссертации предполагалось показать, что и как известные русские поэты, в первую очередь, Ф.И. Тютчев, принимают в качестве объекта для создания переносного значения, какие традиции при этом являются ведущими и в

чём заключается оригинальность подходов к изображению тех или иных образов. Основным будем считать отношение к переносному значению, отражающее лексический переход словоформы из одной стихии в другую, а также наличие пометы «перен.» в «Словаре языка Пушкина» и толковых словарях русского языка.

Основной *целью* исследования является всестороннее рассмотрение метафоры в оригинальных стихотворениях Ф.И. Тютчева в тесной взаимосвязи с особенностями литературного процесса XIX–XX веков. Мы отмечаем как заимствованные черты, так и развившиеся впоследствии особенности, послужившие качественной основой для позднейшей поэтической интерпретации.

Достижение данной цели требует решения следующих *задач*:

1. Изучение литературы по теории метафоры и выявление тех теоретических положений, что являются актуальными для поэтики исследуемых художников слова;
2. Сплошная выборка метафор в стихотворениях Тютчева, не становившихся ранее предметом изучения, как материал для проведения сравнительного анализа;
3. Систематизация метафорического материала исследуемых поэтов по тематике, семантике, структуре;
4. Тематическая и словообразовательная систематизация метафор с целью проведения их комплексного сопоставительного анализа;
5. Осуществление когнитивного анализа метафор;
6. Обобщение основных принципов использования метафор Тютчевым и другими исследуемыми поэтами.

Актуальность данной работы определяется не теряющей своей важности проблемой исследования поэтики Ф.И. Тютчева, а в особенности её семантики, имеющей ряд характерных особенностей, слабо освещённых в научных трудах или же остающихся остро дискутируемыми. В своей работе мы использовали понятие поэтический язык в узком смысле, связывая его исключительно с языком поэзии, но отразили взаимосвязь поэтического языка с широким кругом

филологических проблем, затрагивающих творчество ведущих русских художников слова. Рассмотрение особенностей отдельных черт языка каждого поэта актуально само по себе. Актуальность заключается в исследовании метафоры, в особенности в плане её соотнесения с антропоцентрической научной парадигмой. Сопоставительный план исследования также имеет свою ценность, поскольку выявление характерных особенностей авторского языка представляется более доказательным именно при сопоставлении, позволяющем вскрыть своеобразие поэтических средств и приёмов каждого автора.

В качестве *гипотезы исследования* выдвинем положение о неповторимом своеобразии метафорического языка Ф.И. Тютчева, основанного на ряде унаследованных поэтических традиций, давших возможность развитию новых направлений в русской поэзии.

В диссертации были использованы следующие *методы*: наблюдение и описание языка как системы; метод компонентного анализа лексики; метод анализа и синтеза поэтического текста; сопоставительный метод, характеризующий некоторые особенности языковой личности каждого из исследуемых авторов; метод лингвистической статистики, частично методы, применяемые в когнитивной лингвистике.

Научная новизна исследования объясняется актуальностью темы. Авторы большинства диссертационных работ, посвящённых языку поэзии Тютчева, редко выходят за пределы языка Тютчева и лишь фрагментарно обращаются к языку других поэтов. Впервые на диссертационном уровне проводится сопоставление Ф.И. Тютчева в широком плане с Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным, А.А. Блоком, О.Э. Мандельштамом. Новым является рассмотрение метафоры на нескольких лексико-семантических уровнях: в тематических группах и словообразовательных гнездах, что помогает наиболее полно и точно отразить особенности сопоставляемых лексем в поэтике разных поэтов. Также к научной новизне отнесём рассуждения филологического характера о связи поэзии Тютчева с рассматриваемыми поэтами.

Объект исследования – язык поэзии Ф.И. Тютчева во взаимосвязи с языком поэзии Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, А.А. Блока, О.Э. Мандельштама.

Предмет исследования – метафора как средство выражения поэтической мысли в сопоставительном аспекте в поэтическом тексте.

Материал исследования – оригинальная поэзия Ф.И. Тютчева, его предшественников в лице Г.Р. Державина и А.С. Пушкина, а также последователей – А.А. Блока и О.Э. Мандельштама.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассматриваемом сопоставительном аспекте и выявлении особенностей использования языка каждого из поэтов. Результаты могут послужить углублению научных представлений о поэтическом языке Ф.И. Тютчева, который на данный момент ещё недостаточно изучен.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов при изучении русского языка, литературы, культуры с опорой на тексты указанных поэтов в школе, вузе, при составлении спецкурсов и как материал спецсеминаров. Основная практическая сфера возможного использования результатов работы – тютчевiana в широком понимании этого научного ответвления.

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэтическая метафора Ф.И. Тютчева, с одной стороны, довольно традиционна: она опирается на опыт метафорического использования тех или иных лексем представителями русской и зарубежной литературы; с другой стороны, она индивидуальна, характерна только для него и отражает особенности языковой личности.
2. Предшественники оказывают специфическое влияние на Ф.И. Тютчева в различные периоды его творчества: с Державиным Тютчева связывает тематическое родство и сходство внешней формы; с Пушкиным – интерпретация традиционных образов русской культуры и литературы, антропоморфное метафорическое переосмысление неживых объектов;

3. Тютчев как создатель особого иератического языка зачастую использует сложную метафору, совмещенную с прямым номинативным или вторым метафорическим значением.
4. Тютчев оказал огромное влияние на последователей. А.А. Блок испытывал глубокий интерес к тютчевскому хаокосмосу; О.Э. Мандельштам заимствовал особенности интерпретации Тютчевым земной стихии и географических объектов, что привело к созданию так называемой *архитектурной лирики*.
5. Так же, как Тютчев своеобразно развил поэтические традиции Державина, его продолжатели совершенствуют и развивают в своей поэзии символическую функцию языка, которая, по мнению Е. Куриловича, «единственная из функций языка заслуживает внимания» [Курилович 1965: 427].

Апробация результатов исследования периодически проводилась на методологическом семинаре кафедры русского языка Брянского государственного университета, а также в выступлениях с докладами на научных конференциях и семинарах: 1) Научные чтения при Государственном мемориальном историко-литературном музее-заповеднике Ф.И. Тютчева «Овстуг» совместно с постоянно действующим семинаром НИИ филологии ОГУ «Русская поэзия: проблемы поэтики и стиховедения» (Овстуг–Орёл, 2013); 2) VII Международная конференция «Язык, культура, общество» (Москва, 2013); 3) Международная конференция «Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность» (Брянск, 2013); 4) Всероссийская конференция «Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия» (Брянск, 2013); 5) «Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции». II Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием (Казань, 2014); 6) Третья Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, 2014); 7) Всероссийская с международным участием научная конференция «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка», посвященной 115-летию со дня рождения

профессора Ивана Александровича Фигуровского (Елец, 2014); 8) Международная научная конференция «Рациональное и эмоциональное в русском языке» (Москва, 2014); 9) V Международная научная конференция «Современное общество и социальное развитие: проблемы и перспективы» (Москва, 2015); 10) Международная конференция «Русский язык — основа межнационального общения» (Брянск, 2015); 11) Международная научно-практическая конференция «Новая наука: опыт, традиции, инновации» (Стерлитамак, 2015); 12) Всероссийская научная конференция «Писатели–орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы» (Орёл, 2015).

В 2014 году автор участвовал в конкурсе на лучшую научную работу аспирантов и молодых ученых региона по естественным, техническим и гуманитарным наукам «Современные научные достижения. Брянск–2014», где получил диплом третьей степени.

По теме опубликовано 23 работы, из них 6 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка основной литературы и перечня использованных словарей, списка использованного иллюстративного материала. Общий объём исследования – 214 с.

Основное содержание работы

Во **введении** рассматриваются основные предпосылки выбора темы, цели и задачи работы, отражается предмет и объект исследования, используемые в работе методы, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации работы.

В **первой главе** «Основные аспекты лексического значения слова в языке и поэтическом тексте», состоящей из 3 параграфов, отражаются вопросы, связанные с лексическим значением слова, его разновидностями и представлением их в языке, речи и лексикографических изданиях. При рассмотрении особенностей лексического наполнения слов в основу положена классификация, данная

академиком В.В. Виноградовым, выделяющим, помимо номинативного, такие типы лексико-семантической структуры, как фразеологически связанное, функционально–синтаксическое и конструктивно организованное значение [Виноградов 1953]. Указанные типы оказываются особыми, своеобразными способами развития прямого значения, создающими экспрессивность и эмоциональность речи. Именно возможности переосмысления понятия и представления его в совершенно ином контексте привлекает художников слова к всевозможным трансформациям и модификациям лексического значения слова. Наибольшей образности слово достигает в языке художественной литературы, а точнее, в поэзии, где накал смыслового столкновения достигает своего пика. Значение слова в поэтическом тексте ощущает своеобразное напряжение, «вибрацию», невозможное при иных языковых условиях, что обусловлено особенностями этого вида творчества.

Вероятно, наибольших успехов в изучении лексического значения достигли учёные, занимающиеся коммуникативной лингвистикой. Представители различных направлений этого учения («теория речевых актов»; «ситуативная семантика»; «дискурсивная семантика»; коммуникативный синтаксис; контекстная лингвистика; лингвистика текста; прагмалингвистика) обратили внимания на экстралингвистические факторы, сосуществующие в неразрывной связи с собственными особенностями языка. Их интерес к условиям появления тех или иных сем привёл к острым дискуссиям и до сих пор служит совершенствованию лингвистической науки. Учёными доказано, что абсолютно все пласты языка важны при создании текста того или иного стиля.

Поэтическая речь не является исключением. Безусловно, мы обращаем внимание на фонетическую сторону стихотворения, влияющую на наше восприятие и настроение, задумываемся над синтаксическими построениями, обрывающими или же плавно заключающими мысль, но основное внимание, безусловно, уделяем лексическому наполнению строк, тем явным и скрытым смыслам, которые сумел заложить автор. Поэтический дискурс выдвигает на

первый план, делает важным переносное значение слов, без которого невозможно была бы сама основа художественного творчества – создание образа.

Переносное значение интересовало поэтов и исследователей с древности. Достаточно рано возник вопрос о различии аспектов данного понятия. Наиболее разработанной, как мы уже отметили ранее, можно считать теорию В.В. Виноградова, развитую и усовершенствованную его последователями. Академик выделял такие виды переносного значения, как метафора, метонимия и функциональный перенос. Признавая первенство метафоры, отметим, что при создании художественного текста используются и другие виды переноса, но именно метафорические образы оказываются легко вычленимы и узнаваемы читательским сознанием, которое способно при их помощи по-своему пересоздать и увидеть действительность, преломлённую в собственном, авторском разрезе.

Метафора прошла длительный путь исторического развития. Интерес к ней с течением времени постепенно усиливался, что обусловлено нарастающим вниманием к особенностям человеческого сознания и его проявления в жизни, в частности, языке и речи. Антропоморфная метафора, сопоставляющая природные объекты с человеком, оказывается в центре новейшей научной парадигмы, поэтому изучение её актуально и, несомненно, перспективно.

Утверждение антропоморфной метафоры в поэзии происходило довольно трудно. Преодоление барьеров, поставленных борцами за «чистоту языка», оказалось новаторской задачей для поэтов конца XVIII – начала XIX веков. Именно выявление исключительных черт и взаимодействие этих индивидуальных поэтик стало основой нашего исследования.

Содержание **второй главы** «Истоки и системный характер метафорической практики Ф.И. Тютчева» отражается в трёх параграфах. В первом в обобщённом виде рассматриваются традиции Г.Р. Державина в творчестве Ф.И. Тютчева, даётся краткая история исследования темы и затрагивается одическое наследие. Во втором параграфе проводятся конкретные наблюдения над использованием

антропоморфных метафор в тематических группах: «Птицы», «Времена года», «Психика личности», «Состояния человека», «Смерть человека».

ТГ «Птицы», несмотря на то, что поэты ощущали одно историческое, культурное и литературное влияние, демонстрирует различный состав и столь же различное отношение к метафорическому переосмыслению этих образов. И Державин, и Тютчев используют «кроткий» (*лебедь, голубь*) и «хищный» (*коршун, орёл*) тип птиц, но оценочность внутри метафорических сочетаний существенно различается. Так, например, Державин оставляет за лирическим героем ведущую роль в осознании самостоятельности и самобытности бытия, используя в качестве приёма диалоговое начало с птицей: *О домовитая ласточка! / О милосизая птичка!* («Ласточка») [Державин 1957, с. 207], *Я на хólме спал высоком, / Слышал глас твой, соловей* («Соловей во сне») [Державин 1957, с. 267] *Что ты заводишь песню военну / Флейте подобно, милый снигирь?* («Снигирь») [Державин 1957, с. 283]. По мнению поэта, метафорическое изображение птицы-участника событий создаёт достоверность и своеобразную историчность картины (например, в стихотворениях, посвящённых выдающимся деятелям). Ф.И. Тютчев же вносит в традиционное поэтическое представление приём антропоцентрического сопоставления: *С поляны коршун поднялся, / Высоко к небу он взвился... / ... А я здесь в поте и в пыли. / Я, царь земли, прирос к земле!..* («С поляны коршун поднялся») [Тютчев 1987, с.130]. Столкновение человека и природы усиливается за счёт конкретизации образов.

В ТГ «Времена года» прослеживается творческое движение от классицизма к реализму: если для Г.Р. Державина ещё актуальны метафоры времени, связанные с греческой традицией и условной онимизацией объектов (именно поэтому в его стихах данные лексемы чаще всего употреблены в качестве имён собственных – *Зима, Весна*), то Тютчев постепенно преодолевает её, избавляя контексты от излишнего соотнесения с чуждой культурой, приближая их к народному мироощущению и миропониманию. Также поэт создаёт метафору по ассоциации: в стихотворении «Лето 1854» нет прямого указания на время года, но контекст помогает читателю увидеть сравнение с изменениями человеческой

жизни, её движением от молодости к зрелости и старости: *Увы, не так ли молодая / Улыбка женских уст и глаз, / Не восхищая, не прельщая, / Под старость лишь смущает нас...* [Тютчев 1987, с. 188]. Таким образом, Ф.И. Тютчев упрощает метафорическое изображение лексем ТГ «Времена года».

ТГ «Психика личности» в державинской поэзии выражена ещё крайне мало в силу исходного интереса к грандиозным историческим событиям и прославлению великих личностей, а не внутреннему ощущению мира, бытия и общества самого человека. Так, например, в группе представлено небольшое число лексем, наделённых антропоморфными качествами, — *сон, здоровье: Здоровье — дар небес бесценный —... / Кропя тебя, рекло: будь здрав!* («На выздоровление Мецената») [Державин 1957, с. 96], *Сон томною своей рукою / Мечты различны рассыпал* («Видение мурзы») [Державин 1957, с. 109]. Тютчевская поэзия оказывается более гибкой и ощущает эволюционное движение в сторону усиления психологизма, а вместе с ним и увеличения числа метафор с лексемами со значением психических характеристик. В частности, *сон* становится одним из главнейших образов тютчевской поэзии, отражающим философское понимание состояния как переходного и неустойчивого, в течение которого человек имеет мистическую возможность заглянуть за грань бытия и собственного сознания. Утверждается семантическая связь *сна* с миром природы, поэтому он часто иллюстрируется природными метафорами: *Но вас, обновлённых прохладю сна, — / Кровавая битвы подымет волна!* («Песнь скандинавских воинов») [Тютчев 1987, с. 70], *И в нашей жизни повседневной / Бывают радужные сны* («Е.Н. Анненковой») [Тютчев 1987, с. 201].

ТГ «Состояния человека» более устойчива по сравнению с ТГ «Психика». И Державин, и Тютчев используют близкий по семантике ряд лексем, которые также пересекаются с точки зрения оценочности: *Но гордость с роскошью повержены у ног* («На пребывание Суворова в Таврическом дворце») [Державин 1957, с. 227], *Шумишь ты, как во дни былые, / И катишь волны голубые, / И блещешь гордою красой!..* («Чёрное море») [Тютчев 1987, с. 259]. При этом стоит отметить, что не все державинские лексеммы остаются актуальными для Тютчева.

При рассмотрении ТГ «Смерть человека» мы отметили преобладание основной лексемы группы в поэтических контекстах у исследуемых художников слова, а также её многообразное проявление. Державинское метафорическое преобразование основано на традиционном подходе и часто представляет собой символическое или же аллегорическое обращение к читателю: *Без жалости всё смерть разит* («На смерть князя Мещерского») [Державин 1957, с. 85], *И смерть сама вам лавр дает* («На взятие Измаила») [Державин 1957, с. 158]. Тютчевское изображение вновь идёт по пути упрощения и усовершенствования: излишняя историческая символичность устраняется, вместо этого поэт демонстрирует *совмещённые значения*. Также мы можем выявить характерные особенности переносного значения лексем в контекстах, построенных на антитезах, где происходит намеренное столкновение и сравнение словоформ по ряду, по мнению автора, сходных признаков, например, *Смерть и Сон: Но Смерть честней чужда лицепрियाтью, / Не тронута ничем, не смущена...* («Две силы есть – две роковые силы...») [Тютчев, с. 243], *Есть близнецы – два земнородных / Два божества – то Смерть и Сон* («Близнецы») [Тютчев, с. 174]. Подобное метафорическое сопоставление является основой поэтической философии Тютчева, построенной на переходных, подвижных состояниях.

В диссертации метафорическая лексика исследуется с двух системных позиций: тематических групп (ТГ) и словообразовательных гнёзд (СГ). СГ «Жить», «Родить», «Говорить», «Молчать», «Думать», «Стыд» и представление в них метафорической лексики становятся предметом наблюдения параграфа 3. Отбор лексем для СГ производился по художественным текстам, «Поэтическому словарю Ф.И. Тютчева» (ПСТ) и «Конкордансу полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева» (КПССТ), что позволило охватить весь лексемный материал. В результате анализа словоформ по гнездовому принципу удалось установить, что в большинстве случаев вершина СГ образует меньшее количество метафорических контекстов, в то время как наиболее дальние звенья словообразовательной цепочки получают большую возможность для переосмысления в силу одновременного задействования семантики корня и деривационных морфем.

СГ «Жизнь» довольно обширно, но наиболее частотны и тематически важны для осмысления тютчевского творчества представляет ограниченный круг лексем: *жизнь, живой, жить*. Общим для словоформ данного гнезда является тот факт, что жизнь, по Тютчеву, перестаёт принадлежать исключительно человеческому миру, она передаётся вещам, природе, эмоциям, чувствам, частям человеческого тела (например, сердцу): *И эта вера не обманет / Того, кто ею лишь живёт* («А.В. Пл<етне>вой») [Тютчев 1987, с. 256], *Тут целый мир, живой, разнообразный* (<Е.К. Зыбиной>) [Тютчев 1987, с. 264], *...Жужжанием страстей, живущих миг один!* («Из «Эрнани» <Гюго>») [Тютчев 1987, с. 107], *...Сердце, твоею жизнью живших...* («Памяти М.К. Политковской») [Тютчев 1987, с. 261]. Связано это с философской пантеистической установкой поэта. Таким образом, на основе этого СГ создаётся большое количество антропоморфных метафорических сочетаний, объединяющих человека и природу.

СГ «Родить» также отражает движение поэтической мысли в сторону от собственно человеческих качеств к наделению ими окружающего мира во всём его многообразии: *В наш век стихи живут два-три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут* («Михаилу Петровичу Погодину») [Тютчев 1987, с. 239], *И вот – в железной колыбели, В громах родится Новый год* («На Новый 1855 год») [Тютчев 1987, с. 189].

СГ «Говорить» и «Молчать» представляют собой крупнейшую тютчевскую дихотомию, скорее, стремящуюся к слиянию частей, а не к их разделению. Выбор природных объектов для говорения/молчания также обусловлен философскими взглядами поэта, уверенного в безграничной силе мирового духа, которому *мыслящий тростник* противостоять не способен. Природные объекты говорят между собой, но для человека они молчат, поскольку проникнуть в тайны Вселенной ему не суждено: *При них леса не говорили...* («Не то, что мните вы, природа...») [Тютчев 1987, с. 135], *...Соседний ключ слышнее говорит* («Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный...») [Тютчев 1987, с. 125], *Молчите, птицы, не шумите, волны...* («Кораблекрушение») [Тютчев 1987, с. 76].

СГ «Думать» демонстрирует примеры косвенной антропоморфизации, основанной на совмещении заведомо человеческих признаков для характеристики весьма далёких от людей предметов и объектов: *Дума за думой, волна за волной - / Два проявленья стихии одной...* («Волна и дума») [Тютчев 1987, с. 170]. В стихотворении «Волна и дума» Тютчев устанавливает посредством метафоры родство между проявлением человеческой сути и стихийными силами природы. В поэтическом контексте сближаются *волна* и *дума*, которые оказываются похожи как проявлением своих внешних, так и внутренних признаков.

СГ «Стыд» отражает метонимический перенос при изображении женских образов: мы не видим, как выглядит возлюбленная лирического героя, но способны составить о ней представление, угадать её настроение и чувства по тем метафорическим характеристикам её внутреннего состояния, на которые метко указывает поэт: *Стыдливости румянец невозвратный / Он улетел с младых твоих ланит* («К N.N.») [Тютчев 1987, с. 84]. Наблюдение над материалом второй главы показывает, что антропоморфное значение более распространено среди слов, обозначающих эмоциональную сферу, в силу специфики поэзии как изображения человеческих чувств.

В третьей главе «О метафорической преемственности и оригинальности: А.С. Пушкин – Ф.И. Тютчев – А.А. Блок – О.Э. Мандельштам» исследуются в шести параграфах неразрывные исторические связи между художниками слова, приводящие к обновлению и обогащению русского литературного языка, базирующегося в том числе на индивидуальных авторских поэтиках.

Первый параграф посвящён наблюдению над общим и различным в поэтиках Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина. Несмотря на то, что поэты были современниками, на их становление повлияли разнородные литературные традиции и философские концепции. Отличает их и позиция по поводу устаревшей, «тяжеловесной» лексики. К чертам сходства можно отнести трепетное отношение к поэтическому слову, его изобразительности и возможности раскрыть многогранные смыслы. Далее анализ метафорической

лексики даётся на уровне тематических групп (ТГ): «Деревья», «Особенности поведения человека», «Географические объекты».

ТГ «Деревья» в русском языке весьма разнообразна, но и Пушкин, и Тютчев используют ограниченный ряд лексем, что обусловлено природными, историческими и культурно–ассоциативными условиями. При этом Тютчев не избегает устоявшихся метафор типа *дерево–общество*, *человек–лист*, которые зародились ещё в эпоху Средневековья. Пушкинское словоупотребление оказывается более метафорично в целом, но Тютчев в большей степени насыщает свои контексты антропоморфной метафорой: *К нему и птица не летит / И тигр нейдет — лишь вихорь черный / На древо смерти набезит / И мчится прочь уже тлетворный* («Анчар») [Пушкин 1959, с. 229], *Пусть сосны и ели всю зиму торчат...* («Листья») [Тютчев 1987, с. 111].

ТГ «Особенности поведения человека» оказывается соотнесена с объектами неживого мира или же представляет в качестве действующих лиц сами лексемы, составляющие данную группу. Как и в случае в тютчевском СГ «Стыд», эти лексемы демонстрируют метонимический перенос, изображая героя путём яркой характеристики его внутренних черт: *Увидишь важное безделье, / Жеманство в тонких кружевах / И глупость в золотых очках, / И тяжкой знатности веселье, / И скуку с картами в руках* («Всеволожскому») [Пушкин 1959, с. 87], *Дети ль это праздной лени / Тратят здесь досуг ночной?* («На Неве») [Тютчев 1987, с. 165].

ТГ «Географические объекты» создаёт свою собственную метафорическую традицию, следование которой окажется одной из характерных особенностей творчества О.Э. Мандельштама. И Пушкин, и Тютчев демонстрируют своё отношение к политическим, культурным и историческим событиям через употребление метафор, относящихся к двум столицам России – Москве и Петербургу. Наделение их чертами активных действующих лиц приближает образы городов к читателю, делает более выпуклыми и разнообразными: *Нет, не пошла Москва моя / К нему с повинной головою* [Пушкин 1960, с. 147], *...А помирятся ж эти две / Не Петербурге, не в Москве, / А в Киеве и в Цареграде* («Тогда лишь в полном торжестве...») [Тютчев 1987, с. 164].

Известно, что Тютчева справедливо не причисляют к пушкинской школе. Такая особенность его творчества (мы рассмотрели её в параграфе четыре) сказала на её оценке некоторыми известными авторами. Так, Некрасов, считая Тютчева великим художником слова, в то же время отнёс его к второстепенным поэтам. Нам важна оценка Ф.И. Тютчева Л.Н. Толстым, который не просто высоко ценил тютчевскую поэзию, но и считал её образцовой. Возможно, именно восторженная толстовская позиция привлекла внимание поэтов-модернистов, вновь открывших для себя Тютчева и его стихи, а вместе с ними и огромные художественные и языковые богатства.

Влияние Тютчева на становление своего мировоззрения и художественной манеры А.А. Блок никогда не отрицал, более того, постоянно обращался к образу предшественника, вступая с ним в своеобразную полемику, риторический диалог по тем или иным вопросам. Заимствовал Блок как тематическую составляющую, так и её воплощение в метафоре. В параграфе пять нами были рассмотрены ТГ «Ночь» и «Сверхъестественные существа», связывающие двух блистательных поэтов между собой.

Представление мира как сочетания хаоса и космоса сделала поэтику Ф.И. Тютчева полной контрастов, как образных, так и изобразительных. Ночь, по Тютчеву, полноправная владелица мира, и оспорить её права никто не в состоянии, особенно слабый и безвольный человек, лишь мнящий себя богом: *Ночь хмурая, как зверь стоокий, / Глядит из каждого куста* («Песок сыпучий по колени...») [Тютчев 1987, с. 110], *Какая ночь сгустилась над землею, / И как земля, в виду небес, мертва!..* («Одиночество») [Тютчев 1987, с. 57]. Именно поэтому ТГ «Ночь» для поэта крайне важна и включает в себя лексемы с основным ночным признаком – темнотой, мраком: *И быстро выступают из мраку / Поля и дальние леса* («Ночное небо так угрюмо...») [Тютчев 1987, с. 223], *Но мне не страшен мрак ночной...* («День вечереет, ночь близка...») [Тютчев 1987, с. 181]. Тютчева по праву считали самым ночным поэтом, но Блок оспаривал это звание, так как в его стихах ночь представлена столь же широко. Наиболее характерным видом метафоры, используемом при создании образа

ночи, является антропоморфная. Это подчёркивает саму мистическую суть ночи, её умение трансформироваться и превращаться в любое создание: *Ночь распростерлась надо мной / И отвечает мертвым взглядом...* («Пусть светит месяц – ночь темна...»), *Мрак ночной, по нем ползущий, / Отдыхает, спит* («Полный месяц встал над лугом») [Блок, URL]. Человек глядит на неё и видит свои, человеческие черты, именно поэтому ночь и у Тютчева, и у Блока далеко не абстрактна, а довольно осязаема, практически материальна. В этом проявляется антропоцентрическое начало данных поэтик.

ТГ «Сверхъестественные существа» стала возможна для выделения в силу влияния и на Ф.И. Тютчева, и на А.А. Блока немецкой романтической традиции. Метафорическое изображение образов этой тематической группы во многом является устоявшимся, стандартным пониманием: *Муза в уборе весны постучалась к поэту* («Муза в уборе весны постучалась к поэту...»), *Нет, из господнего дома / Полный бессмертия дух / Вышел родной и знакомой / Песней тревожит мой слух* («Тихо вечерние тени...») [Блок, URL]; *Но Муза сирого взяла / Под свой покров надёжный...* («С.Е. Раичу») [Тютчев 1987, с. 73]. Представление о фее, музе идёт из глубины веков, и поэтому очеловечивание их при помощи антропоморфных метафор не кажется чем-то удивительным. Новаторством же для Блока является изображение Прекрасной Дамы, впрочем, в некоторых контекстах можно обнаружить сходство с героинями тютчевской любовной лирики: облик обеих описан весьма расплывчато, состоит из деталей, не цельный; он продемонстрирован скорее символически, нежели близко к реальному: *Я шел во тьме дождливой ночи / И в старом доме, у окна, / Узнал задумчивые очи / Моей тоски* («Я шел во тьме дождливой ночи») [Блок, URL], *Ногой младенческой касаясь / Обломков груди вековой; / И солнце медлило, прощаясь / С холмом, и замком, и тобой* («Я помню время золотое...») [Тютчев 1987, с. 136].

Так же, как и А.А. Блок, О.Э. Мандельштам не скрывал своей заинтересованности в понимании поэтического мастерства Ф.И. Тютчева. Не только художественная, но и изобразительная языковая сторона привлекали

внимание. Мандельштам принимает за образец построение тютчевской антропоморфной метафоры, которая у самого поэта «обрастает» дополнительными смыслами, привнесёнными из вне. В параграфе шесть для сравнительного анализа были выбраны две тематические группы: ТГ «Географические объекты» и ТГ «Стихия земли».

Мандельштам последовательно проводит в жизнь идеи Пушкина и Тютчева, потому в его стихах можно заметить как прямые, так и ассоциативные отсылки к предшественникам, например, употребление вместо названия Петербург стилизованного наименования *Петрополь*, ведущего свою историю в русской поэзии от «Медного всадника» А.С. Пушкина. В свою очередь, традицией Тютчева оказывается возможность составления метафорического диалога с объектами природы и человеческими постройками: *Молчит сомнительно Восток...* («Молчит сомнительно Восток...») [Тютчев 1987, с. 221], *Ты выронишь меня или вернешь, — / Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...* («Пусти меня, отдай меня, Воронеж...») [Мандельштам 1990, с. 212].

ТГ «Стихия земли» сближает мировоззренческую позицию О.Э. Мандельштама и Ф.И. Тютчева. Твердь и её проявления – объект поэтического поклонения для Мандельштама, а Тютчев сумел пересоздать мир метафорически через наделение земли и камня свойствами живого: *Здесь, где так вяло свод небесный / На землю тощую глядит...* («Здесь, где так вяло свод небесный...») [Тютчев 1987, с. 86], *На камень жизни роковой Природою заброшен...* («<С.Е. Раичу>») [Тютчев 1987, с. 14]; *Все чуждо нам в столице неpotребной: / Ее сухая черствая земля...* («Все чуждо нам в столице неpotребной») [Мандельштам 1990, с. 195] *Кружесом, камень, будь / И паутиной стань...* («Я ненавижу свет...») [Мандельштам 1990, с. 78]. Мандельштам кладёт «тютчевский камень в основание» своего здания и строит на нём торжество «пятой стихии» – человеческого труда. Таким образом, основываясь на традиционных поэтических метафорах, Мандельштам развивает собственную своеобразную концепцию.

В заключении обобщены наши наблюдения над зарождением, особенностями становления и ролью метафор в художественном тексте. Систематизация метафорического материала рассматриваемых поэтов на уровне ТГ и СГ позволила выявить специфику их употребления, показать индивидуальное и общее, наметить те проблемы, которые не нашли ещё своего однозначного понимания, в частности, чёткое разграничение прямых и переносных значений. И здесь мы исходили из роли стихий, создающих условия для рождения метафоры.

Основные положения диссертации отражены в 23 публикациях общим объемом 6, 42 п.л.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Лавошникова, Ю.А. Традиции и преемственность в использовании антропоморфных метафор: А.С. Пушкин – Ф.И. Тютчев – О.Э. Мандельштам / Ю.А. Лавошникова // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2013. – С. 300–304 (0, 24 п.л.).
2. Лавошникова, Ю.А. Антропоморфная метафора в поэтике А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Вопросы филологии, № 3–4 (45). – М.: Институт иностранных языков, 2013. – С. 11–14 (0,2 п.л.).
3. Лавошникова, Ю.А. Тютчевская метафора как важнейший элемент поэтики В.Я. Брюсова / Ю.А. Лавошникова // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2014. – С. 357–360 (0,18 п.л.).
4. Лавошникова, Ю.А. Антропоморфная метафора в языке поэзии Ф.И. Тютчева и Н.М. Рубцова / Ю.А. Лавошникова // Балтийский гуманитарный журнал, №1 (10). – Калининград: Некоммерческое Партнерство "Институт направленного образования", 2015. – С. 43–45 (0,15 п.л.).

5. Лавошникова, Ю.А. Тютчевская традиция антропоморфной метафоры в поэтике В.С. Соловьёва / Ю.А. Лавошникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 1–1 (55). – Тамбов: Издательство «Грамота», 2016. – С. 140–144 (0,24 п.л.).
6. Лавошникова, Ю.А. Антропоморфная поэтика В.А. Жуковского и её рефлексивные ноты в творчестве Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 8–2 (62). – Тамбов: Издательство «Грамота», 2016. – С. 109–111 (0,20 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

7. Лавошникова, Ю.А. Образ смерти и сна в антропоморфном разрезе поэтики Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Материалы III Всероссийской заочной научно–практической конференции (20 ноября 2012г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 93–98 (0,3 п.л.).
8. Лавошникова, Ю.А. Антропоморфные образы с семантикой внутреннего качества в поэзии Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты Материалы XIV международной научно–практической конференции. Под ред.: С.Н. Стародубец, В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, Ю.А. Шевцовой, О.В. Белугиной. – Брянск: РИО БГУ, 2012. – С. 385–389 (0, 25 п.л.).
9. Лавошникова, Ю.А. Антропоморфный образ воды в поэтике Ф.И. Тютчева и М.И. Цветаевой / Ю.А. Лавошникова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Материалы XIV Всероссийской конференции молодых учёных 4–6 апреля 2013 г., посвящённой 135-летию Томского государственного университета. – Томск: Издание ТГУ, 2013. – С. 26–30 (0,25 п.л.).
10. Лавошникова, Ю.А. Традиции Ф.И. Тютчева в акмеистической поэзии О.Э. Мандельштама / Ю.А. Лавошникова // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность. Материалы Международной научной

- заочной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата. – Брянск: Курсив, 2013. – С. 225–233(0,5 п.л.).
11. Лавошникова, Ю.А. Метафорическое представление человека в поэзии Ф.И. Тютчева и А.А. Блока / Ю.А. Лавошникова // Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия. IV научно–практическая конференция. – Брянск: Брян. обл. науч. универс. б–ка им. Ф.И. Тютчева, 2013. – С. 56–58 (0,2 п.л.).
12. Лавошникова, Ю.А. Державинская традиция в творчестве Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Поколение будущего – 2013: взгляд молодых ученых: 2-ая Международная научная конференция. Том 3. – Курск: Изд–во ЮЗГУ, 2013. – С. 234–240 (0,5 п.л.).
13. Лавошникова, Ю.А. Г.Р. Державин – Ф.И. Тютчев: единое стилистическое пространство / Ю.А. Лавошникова // Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики: сб. науч. тр. Вып. II. / редкол.: В.В. Никульцева (отв. ред.) [и др.]. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – С. 142–149 (0,4 п.л.).
14. Лавошникова, Ю.А. Преимущество поэтик Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама / Ю.А. Лавошникова // Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции. [Текст]: II Всероссийская научная Интернет–конференция с международным участием: материалы конф. (Казань, 20 мая 2014) / Сервис виртуальных конференций Raх Grid. – Казань: ИП Синяев Д.Н., 2014. – С. 39–46 (0,5 п.л.).
15. Лавошникова, Ю.А. Отражение тютчевской «стихийности» в поэзии О.Э. Мандельштама / Ю.А. Лавошникова // Сборник Всероссийской с международным участием научной конференции «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка», посвященной 115-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. – Елец: РИО ЕГУ, 2014. – С. 41–46 (0,3 п.л.).

16. Лавошникова, Ю.А. Отражение Тютчев – Мандельштам в русской поэзии / Ю.А. Лавошникова // Сборник третьей Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра». – М: Издательство МГУ, 2014. – С. 186–189 (0,15 п.л.).
17. Лавошникова, Ю.А. Рациональная и эмоциональная преемственность поэтик Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама / Ю.А. Лавошникова // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Редколлегия: П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко и др. – М.: Издательство МГОУ, 2014. – С. 139–145 (0, 36 п.л.).
18. Лавошникова, Ю.А. Ф.И. Тютчев – В.В. Маяковский: метафорическая преемственность / Ю.А. Лавошникова // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: Материалы Всероссийской научной конференции (15–16 мая 2015 года). – Орел: ООО "Картуш", 2015. – С. 167–173 (0,4 п.л.).
19. Лавошникова, Ю.А. Роль метафорического антропоморфизма в ранней любовной лирике В.В. Маяковского / Ю.А. Лавошникова // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. № 6 (13), ч. 3. – Новосибирск: Изд-во Educatio, 2015. – С. 89–91(0,2 п.л.).
20. Лавошникова, Ю.А. Обозначение человеческой деятельности с помощью антропоморфных метафор в поэтике Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Новая наука: опыт, традиции, инновации: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (24 ноября 2015 г., Стерлитамак). – Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. – С. 111–116 (0,25 п.л.).
21. Лавошникова, Ю.А. Становление и развитие метафорического антропоцентризма Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XXV международной научно-практической конференции. – М.: Научно-

информационный издательский центр "Институт стратегических исследований", 2015. – С. 58–63 (0, 25 п.л.).

22. Лавошникова, Ю.А. Метафорическое словообразовательное гнездо «Томить» в языке поэзии Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. Выпуск 10. 6 декабря 2016. – Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2016. – С. 229–230 (0,15 п.л.).
23. Лавошникова, Ю.А. Метафорическое отражение лексем страсть и любовь в языке поэзии Ф.И. Тютчева / Ю.А. Лавошникова // Наука XXI века, №12 2016. – М., 2016. – С. 39-42 (0.25 п.л.)